

Ликумович Тимофей Борисович (Т. В. Liokumovich), доктор филологических наук, профессор (г. Чикаго, США) (*Chicago, USA*); timliokumovich@hotmail.com

УДК 82.09

ПОД БЛАГОТВОРНЫМ ПУШКИНСКИМ НАПУТСТВИЕМ

Аннотация. В статье рассматривается роль А. С. Пушкина, который с «изумлением и восторгом» воспринял тютчевскую лирику, а под его благотворным и плодотворным влиянием и другие выдающиеся российские писатели обратили на неё внимание, придя к убедительному утверждению классического характера произведений Ф. Тютчева и законного права их автора считаться заслуженным классиком русской словесности.

Ключевые слова: Фёдор Тютчев, А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, поэт-мыслитель, философская лирика, стихотворения, поэзия, сборник, классик, мюнхенское интеллигентное окружение, журнал «Современник», цензурные мытарства, образец чуткого внимания к творчеству собратьев по перу.

UNDER THE BENEFICENT PUSHKIN 'S PARTING WORDS

Annotation. The article examines the role of A.S. Pushkin, who received Tyutchev's lyrics with «amazement and delight», and under his beneficial and fruitful influence, other prominent Russian writers drew attention to it, coming to

a convincing statement of the classical character of F.'s works. Tyutchev and the legitimate right of their author to be considered a well-deserved classic of Russian literature.

Keywords. F. Tyutchev, A. Pushkin, N. Nekrasov, I. Turgenev, literature, poetry, poems, magazine «Sovremennik», collection, creative work, taking into consideration, successful attention, the classic.

За Фёдором Тютчевым в истории литературы устойчиво закрепилось определение как поэта-мыслителя. На первый взгляд такое теоретическое определение может показаться искусственным, надуманным, так как не бывает поэзии без содержания, поэзии без мысли, т.е. бессмысленной, состоящей из случайного набора слов, напоминающего собой пустопорожный бред. Так что поэт-мыслитель подразумевает не поверхностное, а глубокое понимание человеческой души, продуманное проникновение в явления природы, что содействует их правдивому описанию, их философской насыщенности.

В 1821 году восемнадцатилетний Тютчев блестяще закончил словесный факультет Московского университета, но на службу поступил в министерство иностранных дел, получив назначение в российское посольство в Мюнхене. Этот немецкий город в то время был крупным центром европейской культуры. За границей поэту с краткими перерывами пришлось пробыть 22 года. Там своей исключительной одарённостью, необыкновенным умом, широкой европейской образованностью, философскими интересами и мятежным духом он обратил на себя внимание лучшей части мюнхенской интеллигенции, среди которой пользовался заслуженным уважением. Тютчев сближается с философом Ф. Шеллингом, подружился с Г. Гейне, став одним из первых переводчиков стихотворений немецкого поэта на русский язык, а также переводит произведения Ф. Шиллера, И. В. Гёте и других иностранных поэтов. Эта одухотворённая творческая работа содействует в приобретении им неповторимого стиля в поэзии. Тогда же, в 20–30-е годы, Тютчев складывается как оригинальный художник слова. В это время он создал такие шедевры философской лирики, как «Видение», «Бессонница», «Сны», «Есть в светлости осенних вечеров...», «Цицерон», «Как над горячей золой...», «Silentium», «Тени сизые смешались ...», «О чём ты воешь, ветр ночной?..» и др.

Однако с творческими достижениями Тютчева имело возможность знакомиться только мюнхенское русскоязычное окружение

поэта. Его друзья, товарищи, сослуживцы справедливо считали, что стихотворения, которые впечатляли их своим глубоким содержанием и незаурядной художественной оригинальностью, достойны печатного распространения для более широкой читательской аудитории. Решено было вынести самобытные произведения на обсуждение одного из признанных российских поэтов и в случае его одобрения обратиться к нему с просьбой содействовать публикации чародейных тютчевских текстов. Выбор пал на Александра Пушкина.

В начале лета 1836 года мюнхенский сослуживец и друг Ф. И. Тютчева князь И. С. Гагарин, служивший в течение нескольких лет в русской дипломатической миссии вместе с ним, и который, как и другие русские интеллигенты из заграничного окружения поэта, восхищался лирикой любимца муз, привёз в Россию тетрадь со стихотворениями незаурядного автора.

Но прежде чем вручить тетрадь Пушкину, посланец решил ознакомить с её содержанием Петра Андреевича Вяземского, который согласился передать её по назначению хозяина тетрадки – Александру Пушкину, но до этого он в свою очередь привлёк внимание к ней Василия Андреевича Жуковского. Сохранилось письмо И. С. Гагарина к Ф. Тютчеву с рассказом о том, как он приступил к пропаганде стихотворений в пушкинском кругу, представители которого одобрительно отнеслись к произведениям, помещённым в тетрадке: «Через несколько дней захожу к нему (Вяземскому. – *Т. Л.*) невзначай около полуночи и застаю его вдвоём с Жуковским за чтением Ваших стихов и вполне увлечённых поэтическим чувством, которым они проникнуты» [1, с. 238]. Оба поэта по достоинству оценили общественную и художественную значимость тютчевских произведений и посчитали за необходимость их появление в печати. По просьбе мюнхенского посланца, тетрадь и была передана Пушкину. Известно, что через день Гагарин встретился с Пушкиным, который, как и следовало ожидать, радушно воспринял тютчевские стихотворения, пронитые как напряжённым чувством трагической жизни, насыщенных описанием сложного мира человеческих переживаний («Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые», «Средь бурь гражданских и тревоги») // «Цицерон», 1830 [2, 501]), так и философским проникновением в одушевлённое и одухотворённое состояние природных явлений: «В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык...» («Не то, что мните вы природа...» (1830-е) [2, с. 502].

В беседе с Гагариным, Пушкин отзывался о помещённых в тетради произведениях с горячим сочувствием и дал им высокую оценку, о чём Гагарин с удовольствием сообщал их автору: «Он оценил их по достоинству и говорил о них с глубоким чувством» [1, с. 238].

В ответном письме И. С. Гагарину Ф. И. Тютчев из Мюнхена благодарил своего сослуживца и друга за его попечение о стихотворениях, отправленных в Россию, и одновременно выразил своё восхищение Пушкинским талантом: «Мне приятно воздать честь русскому уму: он по самой сущности своей чуждается риторики, которая составляет собою язву или вернее первородный грех произведений ума французского. Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами» [1, с. 282].

Прозаик, литературный и музыкальный критик, журналист из пушкинского окружения В. Ф. Одоевский свидетельствовал, что вдохновенные стихотворения Тютчева привели в умиление Александра Сергеевича. Поэт, критик, профессор словесности, также представитель ближайшего пушкинского круга, главный помощник редактора в издании «Современника» П. А. Плетнёв в свою очередь подтвердил, что великий поэт высказывался о них с «изумлением и восторгом». Но даже если бы и не было таких авторитетных удостоверений, сама заинтересованная и бережная публикация тютчевских произведений выразительно подтверждает, что они пришлись по душе гениальному художнику русского слова, убедившемуся в значимости их содержания и в оригинальной художественной форме выражения. Об этом можно также судить по заботливому отношению Пушкина к авторским текстам.

А. Пушкин решил опубликовать стихотворения Тютчева в своём журнале «Современник», но для этого они должны были пройти через цензурное сито. В середине июля 1836 года он отвозит в цензурный комитет произведения, планируемые им поместить в третьем номере «Современника». Из них пять произведений вызвали подозрение у цензора: пушкинская статья «Александр Радищев», стихотворение Дениса Давыдова «Челобитная» и его же статья «О партизанской войне» и в том числе два стихотворения Ф. Тютчева. Пушкинская статья для окончательного решения цензурным комитетом была направлена в главное управление цензуры, статья Д. Давыдова

препроведена в Военное министерство, «Челобитная» с пометками возвращена издателю, а из тютчевского стихотворения «Не то, что мните вы природа...» было предписано изъять две строфы. Но на этом не окончились мытарства тютчевских стихотворений в цензурном комитете, т.к. при их рассмотрении на заседании один из членов из этого надменного учреждения, враждебно отосившегося к Пушкину, не присутствовал, когда они рассматривались. А это был сам шеф Петербургского цензурного комитета М. А. Дондуков-Корсаков, кото-рый требовательно выразил настойчивое желание ознакомиться с ними. В результате его вмешательства было запрещено печатать стихотворение «Два демона ему служили...».

Наконец в 3-м и 4-м номерах «Современника» появляются значительные подборки лирических произведений Тютчева под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии». Как уже упоминалось, в публикации стихотворения «Не то, что мните вы природа...» по требованию цензуры были пропущены две строфы. Пушкин настоял, чтобы цензурный пропуск был отмечен многоточием, чтобы дать читателю возможность понять, что оно представлено в сокращении. Одним словом, никак нельзя согласиться с тем, что тютчевские сочинения появились на журнальных страницах только по равнодушному желанию Пушкина как издателя, которого заботило не качество печатаемых произведений, а руководила лишь потребность заполнить страницы издаваемого им журнала, как считал Ю. Тынянов. Даже если принять его утверждение за истину, всё же нельзя не учесть и сбрасывать со счетов мнение представителей русской литературы – писателей, критиков, литературоведов, которые рассматривали пушкинское доброжелательное внимание к тютчевским сочинениям как дружеский жест, сыгравший значительную роль в литературной судьбе коллеги по перу, и расценивали его как заботливое отношение к развитию русской поэзии, свидетельствовали об отзывчивом характере гения русского пера. Подтверждение тому, что эта публикация появилась сознательно и по заслугам представляла на суд читателей неповторимую творческую личность, являясь её энергетической поддержкой, можно убедиться по благодарному отношению к ней знаменитых русских писателей XIX–XX веков, считавших, что она щедро открыла дорогу их автору в классическую литературу, сыграв ключевую роль в возрастании интереса к его поэтическому

слову, явившись для будущих знаменитых поэтов образцом чуткого внимания к творчеству своих собратьев по литературному цеху, что остаётся неоспоримым историческим фактором, продолжающим требовать к себе сосредоточенное правомерное исследование значимости творческих взаимосвязей.

Хотя всё же в 30–40-е годы XIX столетия стихотворения Тютчева не привлекали ещё должного внимания ни критики, ни широкой читательской аудитории, однако пушкинское обстоятельное и объективное отношение к ним послужило образцом необходимости привлечения большего внимания к исключительному мастеру достойных поэтических строк. Чуткое и сосредоточенное увлечение последующих мастеров российской художественной словесности к незаурядному лирику, естественно постепенно расширяло общественное восприятие его сочинений.

Начало возрождения подъёма внимания к творчеству Тютчева связано с именем Н. Некрасова, который отнёс его своеобразный художественный дар к русским первостепенным поэтическим талантам и, следуя пушкинской традиции, в 1850 году в своём «Современнике» (№1) опубликовал статью, в которой решительно заявил о необыкновенной природной одарённости поэта, ещё незамеченного надлежащим образом критикой, и привёл в доказательство 24 его стихотворения, отнеся их «к немногим блестящим явлениям в области русской поэзии» [3; 9, с. 205], приобщив его «к русским первостепенным поэтическим талантам» [3; 9, с. 220], поставив мало кому известного в ту пору Ф. Тютчева в один ряд с Пушкиным и Лермонтовым.

Настоящее читательское увлечение поэзией Тютчева, его заслуженная слава выдающегося мастера поэтического слова начинается с 1854 года, когда по инициативе И. С. Тургенева, считавшего, что поэт создал речи, которым не суждено умереть, при содействии И. И. Панаева и Н. А. Некрасова осуществляется издание поэтического сборника, в котором читателям были представлены 92 стихотворения, позволявшие углубиться в понимание пафоса и творческой самобытности их автора.

Параллельно, начиная с 50-х годов XIX века, росло внимание к поэзии Тютчева со стороны писательской среды и критики. Закономерный интерес к ней привлекает Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добро-

любова, Л. Н. Толстого, К. С. Аксакова, А. Фета, В. Брюсова, А. Блока и других видных представителей русского литературного процесса. За ним заслужено укрепляется звание классика русской поэзии, принесённое ему громкую славу и благодарную память потомков.

Таким образом, реальный приход Тютчева к русскому читателю связан с благосклонным вниманием к нему Александра Пушкина. Тютчев хорошо понимал пушкинскую роль в своей литературной судьбе и всю жизнь с признательной благодарностью относился к нему. На гибель Пушкина он откликнулся стихотворением «28 января 1837», в котором предрекал всенародную любовь к поэту и бессмертную память в человеческих сердцах:

*Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет...*

[2, с. 505]

Да и задушевное тютчевское слово, являясь высоким образцом поэтической мудрости, в которой пульсирует живое дыхание истории, верное изображение жизненных обстоятельств и природных явлений в их философском осмыслении и в убедительной художественной форме, обрело бессмертие, обогащая благородными чувствами и рациональным восприятием окружающего мира и ценности человеческой жизни, признательных читателей новых поколений.

Список использованной литературы:

1. Абрамович, С. Пушкин. Последний год. Хроника / С. Абрамович. – М. : «Советский писатель», 1991. – 620 с.
2. Русские поэты XIX века. Хрестоматия. – М. : «Просвещение», 1964–1040 с. – С. 497–509.
3. Некрасов, Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 12 т. / Н. А. Некрасов. – М. : 1952. – Т. 9.